

Галина Уланова:

ОДИНОЧЕСТВО

Комм. правора - 1998. - 29 апреля. - с. 6.

В прошлом году не раз звонила Галине Сергеевне. Хотела снять ее в телепрограмме «Время «Ч». Говорили подолгу. Она отказывалась сниматься, но предлагала перезвонить - через день, через два, через неделю. Не сразу догадалась записывать эти разговоры - потом догадалась

...- Ну о чем вы будете меня спрашивать?

- О вас.
- Это неинтересно.
- О папе с мамой, о детстве.
- Какое было детство - страшная бедность. Я росла сорванцом. Ждали мальчика. Я была, как мальчик. Я хотела быть моряком. А потом одиночество, замкнутость. Я не хотела учиться балету. Для меня это были драматические годы. Мама заставила. К счастью.

- Вы боитесь, что я...
- Я ничего не боюсь, Оля. Я хожу на байдэрке. Плаваю одна. Я двигаюсь. Я изучаю человеческие движения и хочу об этом написать книгу.

Человек начинает идти - как он ставит ногу? Не всю же ступню, как медведь! В балете неестественные движения. Надо превратить их в естественные. Иначе молодые балерины растягивают мышцы, потом рываю. Но я не могу написать книгу. Я разучилась писать. Я не помню алфавита. Я могу написать только свою фамилию. Никаких писем не пишу. Дневников не веду. Есть только одна записная книжка, знаете, в клеточку, как тетрадь по арифметике, и она заполнена наполовину. Там такие записи: в таком-то году кончила школу, в таком-то приняла в театр, дали роль... Я устала. Я слишком много отдавала нутра.

- Вы отдавали душу в танце...
- Что-то вы говорите? Отдавать душу в танце? А что это значит?

- Ну, что есть техника, а есть еще что-то...

- Нет-нет, не так, не техника и что-то, а техника и чувства вместе. Вы должны выйти на сцену, будто вам это ничего не стоит. Я начинала, когда молодежь не представляла, что такое театр. Я ходила мимо Мариинки, а там были такие промежуточные концерты. В холод, голод, непогоду я должна была там танцевать. Потом я училась у Вагановой, в училище, которое теперь носит ее имя.

- Ваша мама ведь тоже была балериной?

- Так счастливо сложилось, что мама, оттанцевав двадцать лет - она была хорошая танцовщица, солистка, хотя не прима, а раньше двадцать лет, и все, на пенсию, - мама была приглашена в школу, где ей дали первый класс. И в это время я пошла в первый класс. Я проредела полгодом: «Возьми меня обратно». Мама сказала: «Я не буду делать тебе замечаний, но ты должна стараться сама». Я старалась держать дисциплину. Я довольно упрямая была. Было голодно. Кашу холодную в перерывах между занятиями глотала с трудом. Сейчас ем только фрукты, овощи, каши, у меня большой желудок.

- Галина Сергеевна, а можно я зайду к вам просто так?

- Зачем?
- Принесу фрукты, овощи.
- Когда?
- Да хоть сейчас.

- Я сейчас собираю бутылки, чтобы выбросить.

- Я вам помогу.
- Не надо. Я дома три года ничего не меняла после смерти Тани*. Может быть, летом начну разбирать.

- Как вы перенесли Танину смерть?

- Я очень тяжело это перенесла. Первый год была в больнице. Я знала годом раньше до ее смерти, что она неизлечима.

- А она знала?

- Она узнала это ближе к концу. Я как-то прихожу домой, а она телевизор смотрит, и я вижу - чемоданчик собрала и говорит: «Галина Сергеевна, положите меня в больницу». Я: «Что, зачем, с какой стати?» Я играла роль как могла. Но достала хорошее место, хорошую палату, и она только по телефону говорила со мной, запретила приходить. Ходила одна Ленокча*. Мы не знаем, что происходит дальше, после смерти. Может быть, существует душа. Есть облака, но есть и еще что-то там. Во всяком случае, надо быть честными, добрыми, не делать зла.

- Галина Сергеевна, мне так хотелось бы, чтоб это слышала не только я...

- Я прячусь. Я не переносю показуху. Может быть, я помогу человеку своим искусством, и все.

16 февраля 1997 года.

...- Мою мать звали Мария Федоровна, отца - Сергей Николаевич. Папа - охотник, рыболов, пловец. И я хотела быть, как он. В 9 лет ходила в матроске, рыбу ловила с ним бреднем, плавала. Я привыкла к мальчишкам. А попала в интернат к девочкам - закрылась. Наступило одиночество. Была новая жизнь. Голодно, холодно, но никто не проползал червяком между другими, все думали о новой жизни и были заняты только своей профессией.

- А как мама реагировала на ваши выступления?

- Она крестила меня, сидя в

- Я прячусь. Я не переносю показуху. Может быть, я помогу человеку своим искусством, и все.

зале, перед каждым сложным движением на сцене. Конечно, преступление, что я не пишу мемуаров. Была такая история, как я готовила «Красный мак» и - опоздала. Стручкова показывала мой рисунок, а мне в это время подарили кимоно, и, когда я его надела, мне уже не надо было ничего показывать...

- Что еще вы не станивали?

- Жанну д'Арк, хотя партия была готова. Цензура потребовала выбросить отношения с Богом, а для меня это было невозможно. Погодите, сейчас показывают по ТВ фильм Белинского обо мне. Перезвоните, когда закончится...

...- Вы посмотрели сейчас себя молодую - с каким чувством?

- Огорчена, что старая. И еще огорчена, что в то время не было ТВ - случайно снятое кино: обидно. Вижу недостатки: есть детали чего-то, и сразу обрывается - так снято.

- У Белинского очень сильное место, когда вы показываете ему свою гимнастику - вторая позиция, «плие», - и тут он говорит: «Дальше я не видел, я плакал».

- Ну и что?

- Он сожалеет, что живет в Питере, а не в Москве, заставлял бы вас записывать ваши чудные устные рассказы.

- Я тихонечко начинаю записывать. Я бесконечно благодарна Елизавете Ивановне Тиме, Сергею Радлову, Захарову, своим учителям и постановщикам, особенно Тиме, которой обязана всей своей жизнью. Я хочу все записать, как я этому училась. Как у драматического актера есть бессловесные этюды, так у нас были этюды без движения. Это называлось драмбалет. Направление не пошло, мы вовремя остановились, но это очень много дало. Студентка в ГИТИСе сдала экзамен, а нигде ничего не написано об этом, она спросила меня. Я ей рассказала. Она пришла сдавать экзамен, профессор спрашивает: «Откуда вы это взяли?» Она сказала: «Галина Сергеевна рассказала».

- «Идите, ставлю вам пять». Мы не были куклами. Это дало толчок к внутренней жизни. Надо знать это в душе, тогда выразишь это телом. Сейчас меня интересует движение. Надо сесть на шпагат. Балерина плачет: не могу. А в спорте постепенно к этому подходят. И балерину надо учить постепенно. Я танцевала в «Ледяной девице»: вправо нормально сделала, влево больно. Я знаю, что это такое. Что я хотела сказать?..

23 февраля.

...- Меня все время учат: надо, чтоб у вас был человек, вы одна, мало ли, что может случиться. Я говорю: вы не говорите, вы дайте мне этого человека. Ко мне многие приходили с цветами - до порога. Через порог я их не пускала. Но у них рождались дети, они предлагали свою помощь. Я выхожу гулять с Большимком, вы знаете, мне подарили в Лондоне собаку, ее звали Большой - как Большой театр. Шенку было 1,5 месяца, а умерла она в возрасте 16 лет. Я гуляю - ко мне подходят: «Вы Уланова, мы видели вас вчера на сцене». Ну, значит, Уланова. Дома у меня никто не бывает.

- А где вы жили до Котельнической набережной?

- Маленькая квартира на Новослободской.

- Вы жили с мужем?

- Да, муж - артист Иван Арсеньевич. Я была против переезда в этот дом. Когда у меня сложились интересные отношения с Таней, она настояла, чтобы мама ее была под боком. У нее было два близких человека: я и мама. Я была одна. Всегда был друг Юрий Александрович Завадский.

- А ваш муж...

- Я официально ни за кем не была замужем. Были отношения, но одна-единственная была запись с Юрием Александровичем. К этому времени он был только друг.

- Галина Сергеевна, у меня есть человек для вас, очень порядочная немолдая женщина, которая много лет проработала у Леонида Генриховича Зорина...

- Знаю я Зорина. Я тоже порядочная и тоже немолдая. Но я очень аккуратная. Я буду больше говорить: «Здесь должны быть вилки, здесь должны быть ложки». У меня была простоя женщина, уборщица из те-

ния. Все время пока была жива Тиме, я занималась с ней. Еще она говорила: закройтесь в большой комнате, у вас есть зеркало, не гримасничайте, репетируйте. Я боялась выйти, переступить кулису. Мне просто надо, чтобы я была одна. Выходила с опущенными глазами. Я одна: я танцую для себя, а не для публики. Тиме говорила: «Откройте глаза. Посмотрите на галерею - там темно, и вы никого не увидите». Так я научилась поднимать глаза. Если бы какой-то крик публики, как сейчас принято, во время танца, это было бы, словно меня укололи иголкой. Я, кажется,

- Таня раньше говорила: умру когда, чтоб была челка, у меня лоб некрасивый. Я смотрю - а челки нет. Я вынула гребенку, сделала челку...

я, только один раз бисировала, когда танцевала «Элегия» Рахманинова - чего никогда себе не позволяла...

...- Меня все время учат: надо, чтоб у вас был человек, вы одна, мало ли, что может случиться. Я говорю: вы не говорите, вы дайте мне этого человека. Ко мне многие приходили с цветами - до порога. Через порог я их не пускала. Но у них рождались дети, они предлагали свою помощь. Я выхожу гулять с Большимком, вы знаете, мне подарили в Лондоне собаку, ее звали Большой - как Большой театр. Шенку было 1,5 месяца, а умерла она в возрасте 16 лет. Я гуляю - ко мне подходят: «Вы Уланова, мы видели вас вчера на сцене». Ну, значит, Уланова. Дома у меня никто не бывает.

- Не «понравится». Это не то...

- Ну тогда: будете ли вы удовлетворены.

- Не буду. Я никогда не бываю удовлетворена. И в этом мое счастье.

- А помните, где мы с вами познакомились? В Коктебеле, много лет назад. У вас еще был огромный небесно-белый красивый бриллиант на пальце.

- А, купленный мною на деньги награжденные в Москве. Люся Ильющенко, была такая характерная танцовщица, как-то повела на Новодевичье кладбище, там рядом была деревушка, в ней жил старик ювелир, и он встречает нас с этим вставленным глазом. Он передергивал сломанные золотые вещицы, что от мамы остались. И еще была Наюша Капустина, тоже характерная танцовщица, она немножко заманила мне семью. Она только что вышла замуж за одного молодого человека, и его тут же убили, и она всю жизнь прожила с его матерью. И вот Ильющенко говорит: там хозяйка продаст две серьги через ювелира, но очень дорого, мы попросили, может, она продаст по отдельности, она согласна. И я покупаю один бриллиант. Он говорит: «Что вы будете делать?» Я говорю: «Это вы будете делать». Он говорит: «Я буду делать корзиночку». Я говорю: «Ни за что».

- Почему?

- Ну это женское кольцо, оно утоплено и будет за все цепляться, а я хочу, чтобы, как мужское, чтобы немножко золота, чтобы сам камень, и все. Он говорит: «Я против себя, я делаю преступление». Но все же согласился и сделал, как для

атра, которая никогда не обедала здесь, она говорила: «Я уж со своим Иваном дома». Она могла взять каких-то продуктов, когда ей предложишь, и то редко. Таких людей сейчас не существует. Есть Лена, она у меня стена. Есть Инна*. Мне хочется рассказать нутро своей жизни. Милая, я скажу вам одну вещь - не обижайтесь, это не потому, что вы... Кончился спектакль в Лондоне и говорят: теперь будем снова под музыку записывать. Я начала и чувствую, что у меня пусто в душе. Я не могу танцевать свои вариации. Я подзываю Захарова и го-

ворю: я не могу танцевать. Спектакли не могут быть близко поставлены - надо накопить, чем-то себя насытить... Нет, слишком поздно.

- Галина Сергеевна, ну давайте попробуем, у меня славная группа, если понравится, будем продолжать, если нет - не будем.

- Не «понравится». Это не то...

- Ну тогда: будете ли вы удовлетворены.

- Не буду. Я никогда не бываю удовлетворена. И в этом мое счастье.

- А помните, где мы с вами познакомились? В Коктебеле, много лет назад. У вас еще был огромный небесно-белый красивый бриллиант на пальце.

- А, купленный мною на деньги награжденные в Москве. Люся Ильющенко, была такая характерная танцовщица, как-то повела на Новодевичье кладбище, там рядом была деревушка, в ней жил старик ювелир, и он встречает нас с этим вставленным глазом. Он передергивал сломанные золотые вещицы, что от мамы остались. И еще была Наюша Капустина, тоже характерная танцовщица, она немножко заманила мне семью. Она только что вышла замуж за одного молодого человека, и его тут же убили, и она всю жизнь прожила с его матерью. И вот Ильющенко говорит: там хозяйка продаст две серьги через ювелира, но очень дорого, мы попросили, может, она продаст по отдельности, она согласна. И я покупаю один бриллиант. Он говорит: «Что вы будете делать?» Я говорю: «Это вы будете делать». Он говорит: «Я буду делать корзиночку». Я говорю: «Ни за что».

- Почему?

- Ну это женское кольцо, оно утоплено и будет за все цепляться, а я хочу, чтобы, как мужское, чтобы немножко золота, чтобы сам камень, и все. Он говорит: «Я против себя, я делаю преступление». Но все же согласился и сделал, как для

мужчины, перстень. Я носила его на втором пальце, у меня рука же не толстая. Да, это был орден очередной с большой суммой денег.

- У вас много орденков?

- Много. И все денежные.

Мне помогла та эпоха. Перед самой войной получила Государственную премию СССР. Тогда Аникишин сделал маленький памятник. Была определенная форма: по плечи или по талию, все остальное в пьедестал. Как на паспорте. Ему пришлось пойти в Ленсовет: просто форму шеи и руку. И сегодня это существует. Мне не нужно места на кладбище, оно уже есть. Сжечь меня и туда, под памятник.

- У вас и в Швеции есть памятник...

- Да, Елена Янсон-Манизер по памяти сделала. Маленькая статузочка у меня дома. Она почти весь балет сделала.

- Вы, кроме Коктебеля, любите ездить на Селигер...

- Тиме открыла мне Селигер. Это озеро, которое можно увидеть только во сне. Я лет десять туда ездила. Я как-то спросила своего врача, не сумасшедшая ли я. Потому что у всех людей память о детстве, о чем-то, а я все вижу еще в цвете. Мне это помогало танцевать. Рваные декорации, а я вижу настоящие березы, ручей.

- Где сегодня вы отдыхаете?

- В Барвихе. На лодке плаваю. Июнь-июль прошли, трудно достать путевку, дали в середине августа. Почти год кружилась голова, падала. Это все Танина смерть. Мое несчастье, что я никогда не плачу. Я говорю Тане: «Что же ты плачешь?» Таня говорила: «Вы очень жесткий человек». Может быть. Ни слезинки, когда маму хоронила, папу хоронила. А тут случилось, что я сама одевала ее...

- Как сама?..

- Я знала, что придут из ее организации, где она работала, на телевидении... Когда ей делали операцию, я лежала в другой палате. Еще помню, когда она уезжала в больницу, я спросила: «Проводить тебя вниз?» Она говорит: «Не надо». Меньше месяца она провела в больнице. И умерла в больнице. Звонила оттуда. Вдруг забыла номер телефона, сестры звонят, говорят, еле-еле нашли. А как можно забыть: это как дважды два - четыре. Еще был звонок: она не говорит, только тяжелое дыхание в трубку. Два раза так. Потом в шесть утра звонок медсестры: только что Татьяна Владимировна не стало. Я сейчас же - Лене. Мы приехали. Еще не убрали кровать. Я собирала вещи. Не знаю, можно ли и нужно говорить... Там все можно было сразу сделать для похорон, заказать, что надо. Тут же вымерили. Я сказала: никакой музыки мне не нужно, я же не митинг устраиваю, малый зал, полчаса. Ска-зали: белье нужно, платье. И я сама ее одевала. Сказала: надо

СОРОКОВИНЫ ВЕЛИКОЙ АРТИСТКИ

Фото из журнала «ОГОНЕК».

купить вуали, и чтоб не обтягивать лицо...

- Какая вы мужественная...

- Это другое. Это бессознательно. Она раньше говорила: умру когда, чтоб была челка, у меня лоб некрасивый. Я смотрю - а челки нет. Я вынула гребенку, сделала челку. Пуговицу переставила, она же очень худая стала. И чтоб не обтягивало лицо, цветы сдерживали вуаль, мы протянули ее до ног. Получилось красиво, как будто живой человек лежит. Абсолютно трезво все делала. Без режиссуры. Просто приходили люди, подумав, постояли. Солнце вышло. Начало весны. Я раньше немножко пила, могла вина выпить, коньяку. В Новый год

я впервые осталась одна. Лена позвонила, но я сказала, что хочу быть одна. Поставила два стаканчика. Она любила шампанское. Открыла бутылку. Взяла в рот - чувствую, что сейчас вытошнит. Пошла - и так и случилось. С тех пор не могу взять в рот. Иногда говорят: вам надо, для желудка, я сейчас же кипяченой водой запиваю.

- Спасибо, Галина Сергеевна, что вы со мной говорите. Можно, я вам еще позвоню?

- Хорошо, милая.

25 февраля.

Ольга КУЧКИНА.

*Таня Агафонова, Лена Брускова, Инна Руденко - сотрудницы «Комсомольской правды», бывшие и настоящие.

Я была, как мальчик. Я хотела быть моряком. Я не хотела учиться балету.